

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

“ТРОПА ХО ШИ МИНА”

В этом году вышла книга видного востоковеда академика РАН Алексея Васильева “Ракеты над цветком лотоса”. Автор собрал свои статьи полувековой давности. В те годы Алексей Васильев работал корреспондентом газеты “Правда” во Вьетнаме. Небольшая страна отражала агрессию огромной американской армии. Васильев путешествовал по Вьетнаму под бомбами. Он видел разрушения, смерть и горе людей. И в то же время стал свидетелем будничного мужества, напряжённого труда тех, кто защищал страну и каждый раз восстанавливал разрушенное. Увиденное Алексей Васильев ярко запечатлел в книге, главу из которой публикует “Наш современник”.

Многие считают, что Северный и Южный Вьетнам разделяла условная линия, совпадающая с 17-й параллелью. Это не совсем так. Рубеж проходил по извилистой реке Бенхай. На несколько километров в обе стороны от неё лежала нейтральная, точнее – демилитаризованная зона. На севере к “ничейной” зоне примыкал округ Виньлин.

Вскоре после начала корреспондентской работы в Ханое, в феврале 1967 года я подал заявку в МИД ДРВ с просьбой разрешить поездку к 17-й параллели, в самые южные провинции страны, посетить округ Виньлин.

Пожалуй, трудно назвать другой район в Северном Вьетнаме, который подвергался бы столь же яростным бомбежкам американской авиации и обстрелам из тяжелых орудий 7-го флота США. Я немало читал и слышал о Виньлине. И мне казалось, что, побывав там, можно лучше прочувствовать и понять тогдашние великие и трагические события во Вьетнаме.

“Сверхзадачей” поездки было познакомиться с началом “Тропы Хо Ши Мина”, то есть сети дорог, ведущих в Лаос и далее в Камбоджу. По ним на юг перебрасывались войска, оружие, бронетехника, боеприпасы, продовольствие. Сама “Тропа” была неким мистическим фантомом. Она существовала, о ней все знали, но она была табу в официальной пропаганде ДРВ и соответственно в советском информационном поле. Почему? Во Вьетнаме шла гражданская война. На помощь марионеточному сайгонскому режиму была перебросена чудовищная по силе армия США и их союзников – около 700 тысяч человек, включая сухопутные войска непосредственно в Южном Вьетнаме, авиацию, несколько авианосных соединений флота. Против интервентов и сайгонской армии сражались силы Национального фронта освобождения и регулярные части из Северного Вьетнама. 17-я параллель находилась в самой узкой части Вьетнама (43 километра), она превратилась в зону боев, переброска через неё на Юг подкреплений и материалов была затруднена. Начиная с 1959 года по территории Лаоса и далее Камбоджи стали прокладывать

дороги в обход американских баз у 17-й параллели. Все годы долгой войны ДРВ отрицала наличие своих войск за пределами территории Вьетнама, а значит, и существование “Тропы Хо Ши Мина”, а американцы отрицали свои бомбежки Лаоса и Камбоджи и присутствие там своих подразделений.

В начале июня нам сообщили: всё в порядке, местные власти и военное командование Виньлина согласны принять советских корреспондентов.

После долгих поисков и хлопот в нескольких транспортных конторах Ханоя удалось добыть два “газика”. Один из них, в легковом варианте на пятерых, предназначался для нас, двух советских журналистов (моим спутником был корреспондент “Известий” Михаил Ильинский), сопровождающего – сотрудника отдела печати МИД ДРВ Чан Тиен Кана – и переводчика. Второй “газик” предполагалось загрузить продуктами, бочками с бензином и другими необходимыми вещами. Неделя на сборы – обязательная каска, два дорожных костюма, запасная пара обуви, термосы, фонарики, батарейки, фляжки, транзистор, фотоаппаратура, “вспышка”, записные книжки, москитник. В отдельном ящичке – индивидуальные пакеты, марля, вата, набор медикаментов: различные антибиотики, специальные капли для очистки глаз, мази против всевозможных кожных раздражений, средства против желудочных заболеваний, йод. С собой приходилось брать много провизии и три ящика с минеральной водой – всё на случай непредвиденных ночёвок или, точнее, днёвок.

День отъезда. Телефонные звонки друзьям.

– На посошок? В пять? Будем.

Два “газика” – пока без зелёных ветвей или пальмовых листьев, но уже затянутые маскировочной сеткой; над ветровым стеклом – козырёк, чтобы не было ночью отблеска. Хором тянем песню на слова Константина Симонова “От Москвы до Бреста нет такого места...” (Помнят ли её сегодняшние молодые журналисты?) Шесть часов тридцать минут. Пора.

Едем по полутёмным улицам Ханоя. Редкие трамваи, последние велорикши, тысячи горожан, всё так же неумоимо и неспешно вращающих педали велосипедов, неяркие электрические лампочки, мерцающие у входа в магазины. Кимлиен – несколько корпусов гостиницы; здесь сегодня волейбол – наши специалисты против посольства. Каменные дома сменяются бамбуковыми, редкие скверы – рисовыми полями, огородами, и вот уже развалины ханойского пригорода Вандьема, смутно различимые в темноте.

Дорога № 1, пронизывающая Вьетнам с севера на юг. Железнодорожная и шоссе-ось страны. Фары вскоре пришлось погасить. При тусклом свете подфарников мы увидели первый город-призрак. Развалины и развалины. Это Фули. Поворот, перекрёсток. Здесь когда-то был центр города: кинотеатр, кафе, пагода. Сейчас здесь нет ничего. Впрочем, во Вьетнаме руины не остаются долго для всеобщего обозрения. Их затягивает тропическая растительность.

За эту поездку я не видел ни одного целого города.

Скоро мы свернули с приличного асфальтированного шоссе. Машины медленно шли по дамбе, где участки дороги без какого-либо специального покрытия затвердели, образовали ребристую поверхность с ямами и ухабами. Стоит немного прибавить скорость – начинается “езда верхом”. Из всех сил цепляешься за ручку на спинке переднего сиденья, чтобы не швырнуло в сторону, не ударило сильно головой о верх, не вытряхнуло из машины на неожиданном ухабе. Надеваешь пробковый шлем. Удары становятся мягче. На следующий день на плечах и на лбу всё равно синяки, на голове – шишки.

Неожиданная пробка из десятков автомашин. Эх, если налетят американцы! Я посматриваю на автомашину, гружённую снарядами, впереди нашего “газика” и тяжёлый бензовоз сзади. Пробка понемногу рассасывается. Трогаемся дальше. Снова “езда верхом” и снова пробка. Понтонный мост громыхает под колесами, рядом – рухнувшая одним концом в воду чугунная ферма старого моста. Десяток километров сравнительно приличной дороги. Из темноты появляется девушка-ополченка, по-русски повязанная платком, с измученным лицом, но улыбающаяся. Она сигналист фонариком, указывая, что надо остановиться. Перед будкой КПП – красный флажок: движение по новому понтонному мосту открыто с той стороны. Урчат встречные машины. Падает красный флажок, мы трогаемся. Посреди моста, на одном из понтонов, почти под колесами проходящих грузовиков две девушки-ополченки, не обращая

ни на кого внимания, уплетают рис из белых тряпочек, положенных в конические шляпы, и весело болтают. Вряд ли можно придумать более универсальный головной убор, чем эти шляпы, плетённые из пальмовых листьев с каркасом из тонких прутьев расщеплённого бамбука. Они спасают от дождя и солнца. Ими можно зачерпнуть воду и напиться, в них можно положить тряпочку с рисом и перекусить. В жару их используют как веер. Девушки кокетливо завязывают ленточку от шляпы под подбородком.

Навстречу идут колонны автомашин, как правило, пустых. Они побиты, с измятыми крыльями, покрыты слоем пыли, замаскированы ветками. Иногда нам приходится посторониться, и мимо катится техника – ракеты, тяжёлые орудия, зенитки, радары, кухни. Дороги Вьетнама живут только ночью, днём на них не увидишь автомашин.

Проезжаем мимо тихих деревень, где перед рассветом дороги наполняются лёгким топотом тысяч ног. Женщины и – реже – мужчины в конических шляпах с двумя корзинами на бамбуковом коромысле идут танцующим шагом. Как-то раз пришлось взять это коромысло на плечо, я удивился: в корзины клали килограммов по 40–60 груза, а когда прошёлся с ним, понял тайну танцующего шага – коромысло пружинит и в такт ему пружинят ноги идущего.

Вот и старый знакомый – мост Хамжонг. Я побывал здесь месяца два назад. Снова он показался мне живым, со стальными повязками бинтов, с рваными ранами размером от копеечной монеты до большого блюда. Одна из скал, клыков “Пасти дракона” (перевод слова Хамжонг), между которыми он повис, лопнула от мощного взрыва. Куски камня весом, наверное, по центру отброшены на полторы сотни метров. Опрокинутые тела паровозов, искорёженные вагоны. Но по мосту по-прежнему идут машины. И это после двух с половиной лет бомбежки!

Несколько минут в тихом-тихом, как будто совсем безлюдном городе Тханьхоа. Я уже бывал здесь. Город стал одноэтажным. Больших каменных зданий почти не осталось. Видим рухнувшее от взрыва тяжёлой бомбы крыло госпиталя с явно различимым знаком Красного Креста; расколотый надвое слон валяется перед входом в пагоду Двух слонов.

Едем уже не с подфарниками, а с фонариком, запрятанным под бампер. Он освещает дорогу метра на два. Сажусь рядом с водителем и пытаюсь с таким же вниманием вглядываться вперёд, в кромешную тьму. Через несколько минут глаза начинают болеть. Вдруг рывок – и машина останавливается в метре от зазевавшейся крестьянки с бамбуковым коромыслом и двумя корзинами огромных грейпфрутов.

Перед рассветом прибываем в так называемый “центр приёмов”, “гостиницу” под Тханьхоа. Несколько строений под соломенными крышами, сверху неотличимых от обычных крестьянских хижин, чистые постели, тазики с водой, мыло, чистые полотенца, по-европейски приготовленные обеды. Здесь работают те, кто раньше был официантами, поварами, администраторами гостиниц в городе Тханьхоа, сейчас разрушенных.

Отдыхать можно в сравнительной безопасности. В провинции Тханьхоа ещё есть деревни, которые не подверглись бомбардировке. Тем не менее, под каждой койкой сделан неглубокий окопчик, а во дворе видно несколько входов в бетонированное бомбоубежище.

Вечером снова в путь. Переправа, с воронками, совсем свежими. Небольшой объезд. На некоторых пересечениях дорог установлены указатели, кое-какие даже с подсветкой, невидимой сверху.

Наш шофёр, Тинь Мань Фунг, великолепен: энергичный, выносливый, спокойный, но с мгновенной реакцией. В полночь остановились перекусить на траве у дороги. Потом по какому-то наитию погасили фонарики, завёрнутые в зелёный лоскуток шёлка. Через минуту над дорогой проскрежетал американский самолёт. Первый за поездку. Снова тишина, прерываемая криком обезьян, громким стрёкотом цикад, какими-то таинственными ночными звуками. Лягушки квакают низкими, утробными голосами. В полной темноте вспыхивают искорки светлячков над дорогой, над бесформенными кустами, где-то в отдалении. Из-за облака вышла луна и залила серебром невидимые ранее прямоугольники рисовых полей, покрытых водой. Фунг несколькими ударами тесака рубит крупные ветки и ловкими, натренированными движениями маскирует ими машину, затем вторую. Теперь сверху наши два “газика” кажутся движущимися кустами или холмиками.

День пока ещё не настал, но он придёт внезапно — здесь почти не бывает сумерек. Участки хорошей дороги, ожидания на переправах, гонка за уходящей ночью. Сейчас рассветает. Через несколько минут ехать будет нельзя. Скорее...

Различаешь поля. Июнь. Рис почти весь в снопах. Конические, аккуратные жёлто-серые снопы. На бетонированных токах люди впрягаются в каменные катки и возят их по разложенным рисовым колосьям — так молотят. Женщины, мужчины, дети таскают снопы с полей на тех же бамбуковых коромыслах. Иногда кажется, что идут два больших снопа, человека не видно. Необмолоченные снопы риса и солома во всех дворах. Пальмы без плодов, тоненькие, в струнку, с веером листьев, которыми здесь кроют крыши, вольно разбежались по полям, холмам, около дороги. Их много в деревнях. Они растут вместе с более коренастыми кокосовыми пальмами, возвышаются над бамбуком, грейпфрутовыми, апельсиновыми деревьями, бананами. Издали крестьянские хижины почти неразличимы в густой растительности. Если деревни не прилепились на склоне холма, то на рассвете, особенно в тумане, они кажутся кудрявыми островками над зелёной гладью рисовых полей. Приходит рассвет, появляется солнце, а вместе с ним, немедленно — душная, гнетущая жара.

Мы останавливаемся в деревне. Рядом с нарами, покрытыми циновкой, растёт хлебное дерево. Можно протянуть руку и потрогать его пудовые плоды с шершавой кожей, свисающие со ствола. Если повернёшься на другой бок, то увидишь пять пар чёрных, любопытных, восхищённых глазёнок. Подмигнёшь им — в ответ расплываются довольные улыбки.

Во дворе старой деревенской пагоды под навесом из сухих пальмовых листьев мы пьём крепкий зелёный чай и беседуем с очень симпатичным, широколицым, весёлым человеком. Он даже производил бы впечатление балагура, если бы не зоркие, внимательные глаза. Это Нгуен Зыонг Дьем — член провинциального бюро партии и член провинциального административного комитета. Он нас ждал и был готов к разговору.

— Давайте, я расскажу по порядку о положении в провинции, а вы задавайте вопросы.

Мы соглашаемся.

— Нгеан, одна из самых больших провинций ДРВ, имеет площадь 16 400 квадратных километров и полтора миллиона населения, — рассказывает Дьем. — В ней, помимо вьетнамцев, около 15 национальных меньшинств. На протяжении 380 километров она граничит с Лаосом. Через провинцию проходят дороги № 1 — Север-Юг, № 15 — тоже в меридиональном направлении, и № 7 — связывающая Нгеан с Лаосом. Магистраль № 15 — очень важная артерия в условиях войны, расположена в глубине территории, поэтому она не подвергается обстрелу орудиями 7-го флота США.

Наш собеседник не говорит, как машины направляются в Южный Вьетнам, напрямую или через Лаос. Мы не спрашиваем.

— Прежде всего, нужно было обеспечить население своим продовольствием и не полагаться на поставки из других районов. Мы уменьшили посевы некоторых технических культур, предназначавшихся на вывоз. Максимум площади отдали под рис. Построили плотины в верховьях рек, установили движки-генераторы для подачи энергии насосным станциям. Сейчас пьём собственный чай и кофе со своим сахаром. До войны всё это ввозилось...

Мы узнали, что в Нгеане за три года войны налажено производство спичек, сигарет, мыла, тростниковых матов, джута для плетения мешков, гончарных изделий...

Многие сравнительно крупные для Вьетнама заводы эвакуированы в горы и запущены в работу в огромных пещерах, там, где раньше ночевали чёрные рыси и гнездились летучие мыши.

В Нгеане сократилось рыболовство, очень многие суда были потоплены американцами. Уменьшилось производство и рыбного соуса нык-мама — этой необходимой приправы вьетнамской кухни. (Нык-мам делают из особым способом засоленной и перебродившей рыбы, у него острый специфический запах, свой, особый, ни с чем не сравнимый вкус. Кажется, нык-мам имеет и большое профилактическое значение. Если употреблять его с пищей, он убивает бесчисленное множество паразитов и бактерий, которые кишат во влажных тропиках). Сейчас взамен нык-мама начали делать соус из арахиса, называют его нык-чам. Прежде большая часть арахиса шла на выжимку масла.

Слушая рассказ этого человека, я невольно думал о том, что, несмотря на все усилия врага, экономическая жизнь страны не парализована. Конечно, выпуск предметов ширпотреба на мелких полкустарных предприятиях гораздо дороже по сравнению с крупным механизированным производством. Однако минимум предметов первой необходимости жители Вьетнама получают. И это, в сущности, большая экономическая победа в нынешней войне.

— Какие самые сложные периоды были у вас? — спросил я Нгуен Зыонг Дьема.

— Пожалуй, очень трудно было в самом начале войны — в апреле–июне 1965 года. Да, мы знали, что война приближается. Мы к ней готовились. Но война, особенно с таким сильным, жестоким противником, принесла много неожиданностей. У нас были колоссальные трудности, связанные с эвакуацией населения и предприятий, с транспортом, с организацией службы быта на местах после эвакуации. В первый же год мы провели массовое рассредоточение населения. Население города Виня — центра провинции — уменьшилось примерно в семь раз, а всего около двухсот двадцати тысяч человек покинули насиженные места и переселились в горы и предгорья.

Второй тяжёлый период наступил у нас в начале 1967 года. Осенний урожай 1966 года был плохим из-за нашествия сельскохозяйственных вредителей, болезней риса. Мы ввели железную экономию продовольствия, строжайшее распределение. Каждые десять дней провинциальное бюро партии собиралось, чтобы обсудить проблемы продовольствия. В это же время начался обстрел побережья и дороги № 1 кораблями 7-го флота США.

Наш собеседник старался донести до нас оптимистическую картину: мы выстояли, нас не сломить. Можно было представить положение с продовольствием, если раз в десять дней именно этот вопрос обсуждали руководители провинции. Вряд ли можно было накормить всех досыта. Но голода не было.

...Когда удлинились тени и чуть спала жара, мы направились к автомашинам. Красное, раскалённое солнце не успело скрыться за пальмовой рощей, а мы уже выбирались с просёлочной дороги на шоссе. Едем на юг.

...Переправа через большую реку. Наши мандаты и настойчивость сопровождающих пробивают дорогу даже впереди артиллерии. Узнав, что мы русские — “льенсо” — приветливо машут артиллеристы. Маленький катерок прилепился сбоку парома. Слева, на борту парома, стоит ополченец и руками подаёт сигналы мотористу буксира.

Спокойно. Налётов вроде не предвидится. Берег. Паромщики соскакивают прямо в воду, закрепляют цепи, поднимают подвижный мостик с парома на берег. Короткий свисток, и машины одна за другой сползают на дорогу. Не медля, идут встречные грузовики. Если завтра разбомбят этот паром, начнёт действовать новый.

По дороге из Нгеана в Хатинь мотор второго “газика” заглох, и мы остановились, не доехав километров сто до “гостиницы”. Прикрывая фонарики плащами, светим шоферам, копающимся в двигателе. Два часа было потеряно, и когда стало сереть небо, свернули в первую же деревушку, которая виднелась за прудом, за прямоугольниками рисовых полей, где конические шляпы жнецов и жниц перемешивались с коническими снопами риса. Полчаса ушло на поиски местных властей, и вот нам уже предоставлены циновки в лучшем доме деревни.

Нары приткнулись прямо к алтарю предков, где в чашечках ещё курятся благовонные палочки. На потемневших деревянных досках хорошо различимы вырезанные иероглифы — какие-то изречения или молитвы. На стенке, плетённой из бамбука, висят семейные фотографии, портреты бравого юноши в морской форме, девушки в белой кофточке. На снимках все улыбаются. Рядом несколько грамот, вырезки из иллюстрированных журналов и таблица Менделеева. У очага хлопочут хозяева, чтобы чем-то угостить внезапно приехавших гостей. Посмотреть на “льенсо” собралась вся деревня.

Пришли местные руководители, старики достали бамбуковые трубки, в которые катыш табаку кладётся на одну затяжку, а дым проходит через слой воды, и потекла беседа. Нам рассказывали об урожае риса, о французской оккупации, о недавно сбитом в уезде южновьетнамском самолёте, о делах в школе и больнице, о работе на шоссе дорогих. Расспрашивали про последние ханойские и московские новости. Потом, смущаясь гостей, пели деревенские девушки.

Снова дорога № 1. Иногда ровная, нетронутая. При полной луне машина мчитсь километров под сорок в час. Но так бывает считанные минуты. Вокруг воронка на воронке метров по семь–десять диаметром. Вздрыбленная земля. Некоторые переправы разнесены начисто. Иногда вокруг пятиметрового мостика через ручей можно насчитать несколько сот воронок. Объезд.

Подбежал юноша в каске, сказал с вежливой улыбкой несколько слов. И вот мы не едем, а скачем по жуткой, ухабистой дороге. Шофёр включает свет и выжимает из “газика” всё, на что он способен.

Вцепившись руками в скобу, Кан кричит нам:

– Зона бомб замедленного действия. Их ищут – не могут найти. Они ушли глубоко под землю, их засыпали новые взрывы. Другого пути нет.

Некоторое время спустя я встретил одну из тех, кто выполняет эту смертельно опасную работу, – молодую крестьянку.

– Мы сидели в хорошо оборудованном блиндаже, – рассказывала Хоэ о первом знакомстве с бомбами замедленного действия, – когда увидели, как на дорогу около моста через ущелье упали пять бомб. Ни одна из них не взорвалась. Бомбёжка кончилась, участок дороги был разрушен, а за поворотом беспомощно стояла колонна автомашин. Нужно было выходить работать, но какая-то сила держала нас в убежище. Мне стало стыдно. Я вышла из блиндажа и сделала первый шаг к бомбам... Потом второй. Третий. Бомба пока не взрывалась. Сердце колотилось. Руки дрожали. Но я увидела, как следом за мной вышли ещё три девушки. Мы приблизились к бомбам, попытались сдвинуть одну из них с места. Не удалось. Потом бамбуковыми палками перекатили её на носилки и унесли.

...Мы беседовали с Хоэ в небольшой хижине. За открытой дверью можно было видеть, как на поле с рисовой рассадой четыре женщины ритмично черпали воду из канала. На четырёх верёвках болтались два ведёрка, и женщины забрасывали их в воду, а затем выливали на поле. Трудно было представить, как где-то неподалёку четыре другие женщины положили на носилки начинённые смертью чудовища и оттащили их в сторону. Но это было.

...Мы собирались уже заворачивать в деревню, где нас должны были встречать, как вдруг машину останавливает вынырнувший из темноты человек и что-то тихо говорит нашим сопровождающим. Кан, обернувшись к нам, сообщает: “Центр приёмов” прошлой ночью разбомбили. Хорошо, что мы запоздали. Сейчас едем в запасную “гостиницу”.

Ещё полтора десятка километров.

Нас встречают, куда-то ведут в темноте. За одежду цепляются колючки. Дальше тропинка вьётся по рисовому полю. Лунный свет, тишина. Затем издалека доносятся взрывы, и снова тихо.

...Товарищу Нгуен Тоатю, заместителю секретаря уездного комитета партии, сорок семь лет. В прошлом бедный крестьянин, он стал кадровым партийным работником. У него семеро детей, старшие уже служат в армии. Одет, как и большинство партийных работников, в сандалии из автопокрышки, в форменные брюки и куртку, на голове – пробковый шлем, в руках – потёртый портфель.

Тоать рассказывает, улыбаясь, о жизни уезда, вытянутого вдоль моря с юга на север. Его бомбят уже два с половиной года. Ночью, когда прицельное бомбометание затруднено, и даже днём, когда оно возможно, нередко бомбы сбрасывают по площадям, и гибнет мирное население. Люди сначала спрашивали себя: а можно ли выжить, можно ли продолжать работу в этих условиях, можно ли сражаться с американскими самолётами? Вскоре поняли, что можно. На дорогах, мостах, плотинах создали дежурные группы, ударные роты, которые обеспечивают восстановление повреждённых объектов.

По уезду проходит 54 километра дороги № 1, на ней несколько десятков мостов, больших и малых. Некоторые подвергались бомбежкам десятки раз. Однако ни на одни сутки не прерывалось движение транспорта. Жители уезда построили много новых дорог – одни из них идут параллельно морскому побережью, другие связывают их вместе. Созданы специальные тропки для пешеходов и велосипедистов. Возможно широкое маневрирование транспорта. Рядом с некоторыми большими мостами в замаскированных траншеях лежат готовые фермы, чтобы в любой момент их можно было использовать для восстановления. Уезд крепко прошит дорогами, и разорвать их невозможно.

Помимо ударного строительного отряда созданы группы молодёжи

и ополченцев, в основном по территориальному принципу: если разрушают объекты, расположенные близко от их деревень, то они участвуют в восстановлении, если далеко, то их привлекают только в крайнем случае. Наконец, всё население от мала до велика может взять в руки кирки и лопаты.

Над этим уездом частями ПВО был сбит сорок один вражеский самолёт. Неразорвавшиеся бомбы, упавшие здесь, и обломки самолётов используются как сырьё для ремесленников.

Здесь мы мыслись из дюралевого ведра, сделанного из куска крыла американского самолёта. На обед призывали ударами палки по корпусу выпотрошенной неразорвавшейся бомбы. Мне подарили сувениры – безделушки из дюралья.

В уезде на каждого человека приходится несколько убежищ.

... Дорога из Хатиня в Куангбинь. Сухие горы покрыты кустарником, безлесные холмы. Пейзаж при свете луны чем-то напоминает Крым.

Крым? Это где? На другой планете?

Новая дорога, старая дорога, объезды, брод через речки по специально насыпанным каменным кладкам. Воронки справа, воронки слева.

Никаких признаков деревьев. Сотни больших и малых кратеров. Самые маленькие – метра три в диаметре, большие – метров до тридцати. Видимо, падали полоторатонные бомбы.

В течение пятнадцати минут пытаемся обогнать грузовик, он не уступает дороги. Глотаем пыль, кашляем. Фунг злится, сигналит, даёт гудок, переключает свет, пренебрегая запретом, сопровождающий нас сотрудник органов безопасности провинции Хатинь свистит. Лишь на одном из поворотов удалось обойти лихача. На его голову обрушился град ругательств. Я даже улыбнулся. Оказывается, есть и у вьетнамцев недисциплинированные водители; оказывается, невозмутимые, сдержанные, вежливые вьетнамцы могут иногда выходить из себя.

Справа, километрах в пятнадцати, повисают светящиеся авиабомбы. Их сбрасывают на парашютах. Один самолёт бросает пару “светильников”, а вслед за ним летит другой и высматривает, кого убивать при их свете. Жёлтый, с красноватым оттенком, немного мерцающий, мрачный свет. Рокот реактивных двигателей. Машина резко тормозит, и мы бросаемся в первое попавшееся убежище. Звонко стучается о притолоку каска. Душно, жарко, невыносимо жарко. Вылезаю из противоположного входа. Рядом чье-то жилище, оно кажется необитаемым.

Вдалеке глухие, нестройные и какие-то нестрашные пока взрывы. То приближается, то удаляется рёв самолётов. Выходим на шоссе. Около нашей машины стоит один из тех, кто отвечает за переправу.

– Вас сегодня не пропустим, – говорит он.

Мы подчиняемся, возвращаемся назад. Рёв моторов уже ближе, снова осветительные и фугасные бомбы. Бомбят за нашей спиной. Останавливаемся. Я выхожу из машины, как был, в каске, опускаю рукава куртки, сажусь на траву и незаметно засыпаю. Сколько сплю, не знаю – минуту, полчаса, час. Будит крик:

– Камарад Алёшка! Камарад Алёшка!

Это Кан. Только он мог звать меня на таком франко-русском языке.

Вскакиваю, километрах в полутора-двух – частые вспышки по пунктиру. Шариковые бомбы. Полтора-два километра, секунда лёта самолёту. Бегу в ближайший блиндаж, влезая, включаю электрический фонарик. Две девушки спят на нарах, прижавшись друг к другу. Они сопят, жмурятся от внезапного света фонарика, поворачиваются на другой бок и снова засыпают.

За шиворот заползают крупные, твёрдые, кусачие муравьи, хочется сорвать с себя одежду. В это время команда:

– Вперёд, быстрее, быстрее!

– В чём дело?

Оказывается, сопровождающие выяснили, что в деревне есть более надёжное убежище, и решили перевести нас туда. Выскакиваем на воздух, перебегаем поле, прыгаем в глубокую траншею.

Командный пункт региональных войск: два стола, три лавки, люди в военном и гражданские.

Команда:

– В убежище!

Кидаюсь в узкий проход, ведущий в блиндаж. Лезу, согнувшись вдвое, и громкие хлопки взрывов шариковых бомб подгоняют меня.

Два метра земли над головой. Мигает коптилка. На циновках лежат люди. Они освобождают немного места. Снимаем обувь, ложимся. Человек у телефона, завернутый в кусок зелёного, в пятнах, парашютного шёлка, что-то кричит. Наш переводчик Лыонг передаёт его слова:

— Вы меня слышите? Американцы ведут беспорядочную бомбёжку. Беспорядочную, говорю.

Жарко. В воздухе плавает табачный дым. Вьетнамцы обмахиваются вее-рами. Немного ветерка, ещё немного ветерка. Пот уже не капает крупными каплями, а течёт ручейками, каждый глоток чая из фляжки выступает влагой на теле.

Рёв самолётов. Ближе, ближе! Серия взрывов. Вторая.

— Бом-би! — комментирует сидящий в углу вьетнамец. Вот как во вьетнамскую жизнь проникло французское слово “бомб а бий” — шариковая бомба.

Взрыв. Кажется, что рушится потолок. Только кажется. А на самом деле сыплется стружкой песок. На наше убежище упала всего лишь шариковая бомба и взорвалась, оставив лунку диаметром сантиметров в тридцать. Наутро мне её покажут.

Кто-то потянулся прикурить к лампе и погасил слабое пламя. Вспыхивают электрические фонарики. Снова зажигают коптилку.

Где-то рядом взрывы, отблеск пожара. Сквозь грохот пробивается тоненький детский голосок. Сидящая рядом женщина вскочила, ударила головой о балку, бросилась к выходу с возгласом:

— Тхань! Тха-ань!..

Следом за ней — двое мужчин. Через минуту они вносят девочку, маленькую, худенькую. Она бежала к матери. Шариковая бомба разорвалась в траншее. Изранены руки, грудь. Девочку перевязывают. Она стонет.

Рёв самолётов на время удаляется. Вылезаю из блиндажа. На востоке небо расщевивается взрывами зенитных снарядов.

В некотором отдалении пикирует самолёт. Маленькими пучками пламени вспыхивают разрывы шариковых бомб в одну линию. Лётчик открыл одну трубу с “ананасами”. А в Ханое швыряли целый контейнер шариковых бомб другого типа, похожих на апельсины.

Рёв раненого буйвола. Он бросается вскачь по полю, попадает в траншею и не может из неё выбраться, бьётся и жутко ревет. Кто-то бежит туда. Выстрел из пистолета. Завтра мы будем есть жёсткую, как подошва, буйволятину, поджаренную на шомполе.

В блиндаже невысокий человек, как потом выяснилось, заместитель партийного секретаря общины, проводит совещание. Лыонг переводит:

— Товарищи! По поступившим данным, в деревнях убитых нет. Несколько раненых. Перевязки сделаны. Ополченцы на своих местах ведут огонь из пулемётов. Связь с деревнями работает нормально. Помощи из провинции просить не будем?

В блиндаж врывается мальчик лет четырнадцати с вымазанным сажей лицом:

— В нашей деревне пожар. У соседней тоже. Сейчас собран рис, во дворах скирды соломы. Пламя может перекинуться с одного дома на другой.

Один из членов партийного бюро уходит вместе с несколькими мужчинами. Он ответственный за пожарных. Возвращается часа через два, мокрый, пропахший дымом.

— Пожары потушили. Молодёжь и ополченцы. В последний момент с самолётов по людям у горящих домов стали стрелять реактивными снарядами. Несколько раненых.

Тянется ночь. Мерцает коптилка. Приходят и уходят люди. Запёкшиеся губы раненой девочки. Четверть часа сна и снова просыпаемся. Брезжит рассвет.

Пока мы коротали день на лавках и циновках и бомбёжки не было, нам рассказывали о жизни общины. (Это во Вьетнаме что-то вроде нашей старой волости, но поменьше. Население общины, где мы застряли, примерно три тысячи душ.) Первому налёту она подверглась ещё в 1964 году. С тех пор, включая прошедшую ночь, было ещё двести сорок три налёта, лишь за

1967 год — семьдесят девять. Самое трудное, рассказывали нам, было в прошлом году, когда американцы разрушили плотину, отделяющую поля от моря, и солёная вода хлынула на несколько сот гектаров, посевы погибли. Люди выстояли. Огнём ополченцев общины за несколько недель до нашего приезда был сбит современный американский самолёт “Фантом”. Община награждена тремя республиканскими орденами, из них один — за успехи в производстве. Оказывается, крестьяне, которые раньше не обеспечивали себя на целый год продовольствием, теперь начали сдавать некоторое количество риса государству. “Это тоже наш выигранный бой”.

Мы прошли по деревне. В тени густой растительности тесно и беспорядочно стоят крестьянские бамбуковые хижины: несколько столбов и балок, лёгкие, плетённые из полосок расщеплённого бамбука стены, одна из которых днём снимается или открывается, крыша из пальмовых листьев или рисовой соломы. Между хижинами — лоскутки огородов и садов, много, если в полсотки размером, — батата, маниоки, перца, бананов, цитрусовых, какой-то съедобной травы; на решётках из бамбука — плети с метровыми баклажанами и полуметровыми огурцами. Между домов бродят небольшие чёрные свиньи, куры, утки, жирные маленькие собачки — их мясо особенно любят во Вьетнаме. Повсюду небольшие пруды, в них выращивают зелёное удобрение — болотную чечевицу, её урожай снимают раз в шесть-семь дней. Около бомбоубежищ и траншей сидят, беседуя, старухи. Зубы у них выкрашены чёрным лаком. Здесь у крестьян нет ничего, за исключением самого необходимого для поддержания существования. По дорогам идут машины, гружённые боеприпасами, оружием, мукой... И местное население отдаёт всё, чтобы обеспечить это непрерывное движение.

К вечеру нас предупредили:

— Машины пойдут отдельно, вы будете переправляться отдельно. Мы не можем подвергать вас излишнему риску.

Шесть часов вечера. Выходим. Лунки сантиметров в двадцать пять — тридцать (бом-би, бом-би) встречаются через каждые пять метров вдоль дороги. Сады, бананы, хлебные деревья, отдельные сгоревшие дома. В стойлах — буйволы с мощными рогами. Река. На берегу — воронки, старые позиции зениток, поросшие травой. Закат над рекой, какой закат! Облака, жёлтые и розовые, опаловые и лиловые, невысокие горы на горизонте. Огромный чёрный лопух банана на фоне розового неба. Нас поджидает сампан метров десять длиной. В нём гребут стоя три девушки. Одна из них — миловидная, ладная — смущается от вспышки фотоаппарата.

Гладь, изумительная гладь розовой воды под розовым небом. Вспыхивает и гаснет шальная мысль: по этой бы реке промчаться в розовых брызгах за мощным катером на водных лыжах.

У берега сампан уткнулся в отмель, выходим прямо в воду.

— Скорее, скорее!

Почему они спешат? Самолётов нет, наши машины ещё не переправились. Так хочется посидеть в холодке. Стучит мотор рисорушки. Тихая деревня, негромкие мужские и женские голоса, мальчик лежит на спине буйвола, буйвол щиплет траву, мальчик тянет приятную мелодию. Траншеи, женский смех. Людям хорошо в этот вечер, когда спала жара.

— Скорее! Скорее!

— Зачем?

— Скорее!

Проходим холм, по ходам сообщения попадаем в лес, в подземные галереи, потом снова холм. Видим замаскированные ветвями автомашины, рядом с ними на корточках сидят солдаты, курят в кулак и переговариваются.

Энергичный сержант охрипшим голосом отдаёт приказания. Блиндаж. У входа трещит телефон.

— Не уходите от блиндажа дальше, чем на пять метров.

Десять минут... Двадцать минут... Осветительные бомбы. Сразу. Много. Над нами. Рёв самолётов. Первая волна, вторая.

— В блиндаж!

Блиндаж в виде буквы “Z”. Там душно, песок на зубах. Лежим или сидим, согнувшись в три погибели. Снова короткие взрывы, снова знакомые слова.

— Бом-би, бом-би.

— Ро-кет, ро-кет.

Кто-то у входа считает:

— Третья волна, четвёртая...

Потом сбиваемся со счёта. Грохот не прекращается. Ярко-жёлтый свет ослепительных ракет проникает даже в блиндаж.

Но вот становится тихо. Выходим.

На западе, в километре от нас, полыхает деревня. Это та тихая деревня, где пел мальчик на спине буйвола, щипавшего траву. Пламя расстилается на три-четыре километра. Фосфорные бомбы беловатого яркого цвета заливают огнём траншеи. Страшно представить, как в убежищах задыхаются, корчатся, умирают люди.

Новая волна налёта. Очереди из пулемётов. Грохот залпов зенитных орудий. Ракеты, шариковые бомбы, 20-миллиметровые снаряды против тех, кто покидает пылающие убежища.

Из деревни прибегает работник переправы, падает на землю, часто-часто дышит, потом поднимается с чёрным лицом. Жена, дети — погибли.

Пламя расползается, охватывает новые дома. Языки огня бьют на несколько десятков метров вверх, лопаются с треском бревна. Несколько взрывов — это три бочки бензина рядом с рисоружкой. Лётчики могут доложить, что уничтожен склад горючего: видели вторичные взрывы. Пламя. Эх, какая сушь! Хотя бы дождь, грозу! В деревнях в каждом доме стога рисовой соломы, на гумнах сохнет рис...

Телефонный звонок:

— Будьте готовы, ваши машины уже переправились.

Снова тянутся минуты. В темноте тихо сигналият машины. Наши. Прыгаем в них на ходу. Сзади — пожар, переправа. Впереди — горы, лес, в лесу можно заметить несколько очагов пожара — сюда тоже бросали зажигалки.

Нас встречает высокий малый, красавец, подтянутый, широкоплечий, гибкий, одетый в бежевую форму, с пистолетом на боку. Рядом со мной сидит солдатик с автоматом и полным подсумком гранат. Мне показалось, что ему лет пятнадцать. Днём я увидел, что он старше. Я незаметно вытаскиваю у него гранату из сумки, потом показываю ему. Ему не до шуток, он сердится, отбирает гранату, кладёт в сумку, застёгивает и долго на меня не смотрит.

Очередная “гостиница”. Три часа утра. Нам предлагают: хотите искупаться в речке? Я помню строжайшие наказания врачей: никогда не купайтесь в реках, у вас нет иммунитета против всякой микробной дряни, которая водится в тропических пресных водах. Однако грязь после долгой дороги, красная пыль, смешанная с потом, облепила коростой всё тело. Устоять невозможно.

Над водой плывёт лёгкий туман. В речке полощутся склонившиеся над водой ветви кустарников и деревьев, как будто где-то в Курской области или на Суре. Раздеваюсь, бросаюсь в воду и с удивлением обнаруживаю, что вода очень тёплая. Она нагрелась за день, да так и не остыла. Купание почти не освежило.

Возвращаемся в “гостиницу”. Ночные поездки уже выработали некоторые условные рефлексы: машинально выключаем фонарики, на секунду осветив дорогу, прячем огонёк зажжённой спички, лишний раз стараемся не ходить по открытому месту.

Утром и днём мешает спать то близкий, то далёкий рёв самолётов. Но в глубокой трёхметровой бетонированной яме спокойно. Четыре кресла, стол, две постели с циновками, москитники, рядом — глубокие бункеры в три слоя бетона.

Отыскивается бутылка французского “перно”, из довоенных запасов. Его выливаешь в сразу же мутнеющую воду и пьёшь, чувствуя запах анисовых капель.

— Будьте здоровы, товарищ Кан, товарищ Lyonг, все наши друзья!

...”Тропа Хо Ши Мина” начиналась здесь, в северовьетнамских провинциях Куангбинь, Нгеан, округ Виньлин. Чудовищные бомбёжки южных районов ДРВ, которые мы посетили, были частью общих бомбёжек Вьетнама и Лаоса. Здесь была создана сеть дорог для снабжения вооружённых сил Национального фронта и северовьетнамских частей, сражавшихся на Юге. Наверное, о визите советских журналистов знал легендарный, засекреченный “генерал № 601”, командующий войсками, транспортом и строителями всей

тысячекилометровой зоны “Тропы Хо Ши Мина”. Нас встречали подготовленные люди и показывали и рассказывали только то, что можно было показывать и рассказывать. Но и это было убедительнее любых статей, фотографий или деклараций. Несмотря на невиданные в истории бомбёжки, на плохие дороги или их отсутствие, поток людей и грузов с Севера на Юг не прекращался. “Тропа Хо Ши Мина” – сеть дорог – была триумфом человеческой воли, организации, самопожертвования.

Её использование началось в 1959 году, когда в Ханое было принято решение о военной помощи партизанам Юга. В 1960 году война охватила весь Южный Вьетнам от дельты Меконга до 17-й параллели. По согласованию с руководством компартии Вьетнама (Партии трудящихся Вьетнама) был создан Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама. Помощь ему через нейтральную зону или морем становилась всё более затруднительной. Джонки с оружием в Тонкинском заливе топили американские и сайгонские корабли. Нейтральную полосу нещадно бомбили.

Вдоль границы между Вьетнамом и Лаосом примерно с севера на юг проходит покрытый густыми джунглями горный хребет Чыонгшон. Его западные склоны были не заселены или контролировались дружественными Ханоем силами Патет Лао. По узкой пешеходной тропе длиной почти 1000 километров буквально на плечах несли боеприпасы, оружие, иногда целые разобранные орудия. Использовались “грузовые велосипеды” в качестве “колёсного транспорта”, иногда даже прирученные слоны. Туда и обратно на пешие переходы уходило 7-8 недель. Одновременно стали прокладывать новые дороги в непроходимых лесах, в том числе вдоль западных отрогов хребта, наводили переправы на реках, строили мосты через ущелья. Строительными инструментами были лопаты, кирки, мачете. Потом появилась кое-какая техника китайского и советского производства. Часть дорог противник обнаружил. Начались растущие день ото дня бомбёжки.

К 1965 году “Тропа” уже представляла собой несколько параллельных грунтовых дорог, по которым могли – хотя и с трудом – двигаться даже грузовики. Бомбёжки не прекращались. Есть цифра: на “Тропу” за годы её существования было сброшено три миллиона тонн взрывчатки. “Лунный пейзаж”, который я видел в Нгеане и Куангбине, а спустя несколько месяцев в Лаосе, говорил об их интенсивности. Сбрасывались сейсмические датчики, магнитные бомбы для подрыва движущихся машин, шариковые бомбы. Правда, оставалась одна дорога, так надёжно укрытая лесом, что о ней американцы даже не подозревали. Растительность уничтожалась дефолиантами в нарушение всех законов войны.

Вся транспортная сеть “Тропы”: строители, охрана, зенитная артиллерия, транспортные средства – всё в 1967 году было подчинено единому командованию. Во главе его встал “генерал-лейтенант кодовый номер 601” Донг Ши Нгуен – “командующий войсками Чыонгшон”.

Спустя много лет он рассказывал корреспондентам журнала “Вьетнам”: “В 1967 году я был отправлен центральным руководством в Чыонгшон, чтобы справиться с ожесточенными бомбёжками “Тропы Хо Ши Мина”. Изначально я не мог сдержать своих чувств, видя, как наши солдаты и грузчики работали день и ночь под постоянным обстрелом и бомбёжками американцев. На разрушенной и топкой тропе им приходилось прокладывать дорогу для автомашин из ветвей кустарников”. Напомним, что основной состав строительных батальонов – девушки. Генерал приказал создать цепь зенитных батарей вдоль всего маршрута. Потом на северный участок “Тропы” началась переброска даже зенитно-ракетных дивизионов. По вьетнамским данным, США потеряли над “Тропой” 2 545 самолётов и вертолётов, включая “летающие крепости” В-52. В Вашингтоне признают свои большие потери, хотя называют другие цифры. Но и вьетнамцам приходилось тяжело. Например, судьба конвоя из 1000 грузовиков, который за 9 месяцев потерял 720 машин, как из-за состояния дорог, так из-за бомбёжек. Потери солдат, строителей и грузчиков за 6000 дней существования “Тропы” составили около 20 тысяч человек. Видимо, не считая умерших от малярии. Были обезврежены электронные датчики “линии Макнамары”, перекрывавшие “Тропу”. Их обнаруживали и рядом устанавливали работающие моторы с разбитых автомашин, которые дезориентировали противника, “приглашая” бомбить пустые пространства.

“Тропа Хо Ши Мина” местами стала превращаться в дороги с твёрдым покрытием. “Генерал 601” объединил в две дивизии под своим командованием отдельные роты и батальоны грузовиков. Это позволяло, в случае необходимости маневрируя через сеть дорог, перебрасывать на фронт целые воинские части, большие объёмы грузов.

В зону “Тропы” американское и сайгонское командование сбрасывало подразделения “специальных войск”. За все годы – примерно 2500 американцев и 7000 сайгонцев. Они минировали дороги, похищали людей, наводили самолёты на цели. Но их операции оказались булавочными уколами. Спецназовцы гибли, попадали в плен. Движение людей и грузов неудержимо продолжалось.

Под командованием “генерала 601” была разгромлена элитная группировка сайгонской армии, которая в период “вьетнамизации войны” в февралемарте 1971 года вторглась в Лаос, чтобы перерезать “Тропу Хо Ши Мина”. “Они надеялись на мощь своих вертолётов, – рассказывал “генерал 601”. – Но вертолёты им понадобились для поспешного бегства”.

Когда дело шло к последнему, решающему сражению в Южном Вьетнаме в 1975 году, “Тропа” уже представляла собой пять примерно параллельных дорог “Север–Юг” длиной 5530 километров, одна из них была полностью скрыта от воздушного наблюдения. Осевые дороги, некоторые участки с твёрдым покрытием были связаны сетью боковых дорог и объездов – ещё 9 тысяч километров. В мае 1968 года началось строительство трубопровода длиной 3 тысячи километров, завершённое к 1975 году. Не надо объяснять значение поставок горючего для танков, другой бронетехники и грузовиков. Связь обеспечивали тысячи километров телефонных линий. Вдоль дорог были созданы базы отдыха, склады продовольствия и боеприпасов, подземные госпитали.

Это была главная кровеносная артерия вооружённых сил НФО и Северного Вьетнама, сражавшихся в Южном Вьетнаме. “Тропа Хо Ши Мина” стала неуязвимой легендой той великой для Вьетнама войны.

... Вернёмся в нашу “гостиницу”.

Пот, стоячий воздух, стены, крутые ступени. В воздухе ревут “джонсоны”. Полсотни километров до Виньлина, 60 километров до американцев. Американские лётчики в своих самолётах с искусственным климатом возвращаются на авианосцы или на базы тыла. Они бизнесмены, зашибают немалые деньги за риск. (Так я тогда думал и записывал в дневник.) Чем они занимаются, пилоты понимают, лишь попав в плен. А пока не попали – зарабатывают. Правда, риска всё время прибывает. Но после полётов они возвращаются к чистому белью, бару, кондиционеру, холодному-холодному пиву или виски. Отдых, развлечения, телевизор, заезжие певички. Ну, а американские пехотинцы? В шестидесяти километрах отсюда? Униформа, ботинки, автомат, гранаты, патронная сумка, каска, пулемёт, перебежки, окопы, пыль, палящее солнце, рукопашный бой, колючая проволока, мины, волчьи ямы. Бегом на высоту, бегом с высоты.

Мрачные джунгли, чужая, ненавистная, непонятная страна. Или на вертолётах их перебрасывают в дельту Меконга и высаживают в болото, на рисовое поле, в грязь до пояса, а рядом дамбы... то ли дамбы, то ли удобные позиции для стрелков – “вьетконговцев”.

Инстинкт самосохранения твердит: бойся всех вьетнамцев – мужчины, женщины, ребёнок, – они могут убить... Против взрослых американцев сражаются выносливые, худощавые люди, которым зверски тяжело, но которые обходятся без виски, душа, прохладной постели, горячих бифштексов, зарплаты, бара. Потому что они защищают свой дом. Потому что они ненавидят. Они очень храбры и ещё более упорны. Они умирают, но идут убивать вас, пришельцы, враги, убийцы, интервенты. Это чужая для вас страна, это – Вьетнам, это Азия, и вам здесь нет места. Только вьетнамский Вьетнам – только на таких условиях возможно будущее.